

За то время, что Цзычжоу не был в уезде Фэнчэн, город будто еще больше обветшал. Под серым, затянутым тучами небом на душе невольно становилось пасмурно. Через невзрачные городские ворота проходило немного людей, и все они куда-то спешили, в их движениях не было и тени былой неспешности или уверенности.

Е Цзюньшу с корзиной за плечами, одетый в застиранную короткую куртку, шел, низко опустив голову. В толпе он ничем не выделялся. Оглядевшись вокруг, он заметил, что прохожие — сплошь мужчины старше двадцати лет. Изредка попадались гэри, но всё пожилые, широкоплечие и грубоватые на лицо. Ни детей, ни молодых гэров на улицах не было видно совсем. Те места, где раньше стояли лотки со сладостями и безделушками, теперь пустовали. Улицы давно не прибирали, повсюду виднелась грязь и мусор. Только лавки и магазины еще держали двери открытыми.

Казалось, если бы людям не нужно было покупать еду или товары первой необходимости, они бы и вовсе не выходили из домов. На лицах у всех застыло одно и то же выражение — страх и настороженность. Без нужды никто не заговаривал, а если и шептались, то едва слышно, словно боясь привлечь чье-то внимание.

Е Цзюньшу быстро миновал переулки и привычной дорогой подошел к большим дверям, покрытым темно-красным лаком. Он постучал.

Вскоре из-за двери донесся знакомый голос:

— Кто там?

Цзычжоу поспешил отозваться:

— Шиму, это я, Цзычжоу.

Засов тихо скрипнул, дверь приоткрылась, и показалось озадаченное лицо фулана учителя.

— Цзычжоу?

— Шиму, давно не виделись. Как ваше здоровье?

— Цзычжоу! — Шиму вгляделся в знакомые черты и узнал его. Он тепло и ласково улыбнулся, выпуская юношу внутрь: — У меня всё хорошо, проходи скорее. Ну и ну, парень! Полгода не виделись, а ты так изменился — я тебя почти не узнал.

Е Цзюньшу улыбнулся. Когда шиму запер дверь, он послушно пошел следом за ним.

Своим нынешним ростом Цзычжоу был весьма доволен. Хоть он долго восстанавливался после ран, это ничуть не замедлило его развитие. В прошлый раз он был на полголовы ниже шиму, а теперь уже сам перерос его! Он не измерял точно, но по прикидкам выходило, что в нем уже больше метра семидесяти. С такими темпами и до метра восьмидесяти рукой подать!

— Садись, выпей чаю.

Шиму налил ему чашку и сел напротив, внимательно рассматривая гостя с явным сочувствием в глазах:

— Я слышал о том, что случилось перед Новым годом. Цзычжоу, как ты себя чувствуешь? Нет ли каких последствий? Ты показывался лекарю? С такими вещами нельзя шутить, даже если

чувствуешь лишь легкое недомогание.

— Благодарю за заботу, шиму, со мной всё в порядке. Лекарь меня осматривал, тело у меня крепкое, зажило всё быстро. Теперь я полностью здоров. А как вы? Шицюн говорил, что перед праздниками вы сильно простудились. Как ваше самочувствие сейчас?

— Давно уже всё прошло, спасибо, что помнишь, — шиму виновато добавил: — Мы должны были навестить тебя, но так и не вышло.

— Не стоит беспокоиться, шиму, я всё понимаю, — Е Цзюньшу мягко улыбнулся.

Когда весть о его ранении дошла до дома учителя, тот как раз только поправился и вернулся к занятиям. Спустя пару дней слег уже шиму — говорили, от переутомления и холода. Они проговорили какое-то время, и вскоре взгляд Е Цзюньшу начал невольно блуждать по сторонам. Он гадал: почему шицюн до сих пор не выскочил ему навстречу? Неужели еще не знает, что он пришел?

Шиму не удержался и прикрыл рот рукой, скрывая смешок. Было очевидно, о чем думает этот юнец — в таком возрасте разве усидишь на месте?

— Яоляна отец запер в школе за книгами. Учитель твердо решил, что в этом году сын обязан участвовать в уездном экзамене.

— Вот как? — рассмеялся Цзычжоу. — Шицюн слишком долго бездельничал, пора бы ему взяться за ум.

— Иди к нему, если хочешь. Учитель тоже наверняка соскучился.

— Тогда я пойду, — Е Цзюньшу почесал затылок. — Ах да, шиму, вот пара фазанов и зайцев, вчера в лесу добыл. Для разнообразия к столу.

Цзычжоу достал из корзины дичь. Вчера он торопился, поймал всего ничего, поэтому не понес продавать в ресторан, а приберег для подарка. В корзине также лежали его «домашние задания», написанные за последние полгода — он пришел, чтобы учитель указал ему на ошибки.

— Ну и парень... — шиму не стал спорить и принял подношение. — К обеду возвращайтесь вместе с Яоляном, поедим по-семейному.

— Хорошо, я пойду.

Е Цзюньшу попрощался и направился в сторону частной школы. Она находилась совсем рядом с домом учителя, в десяти минутах ходьбы. Обычно учитель ходил обедать домой, но иногда шиму сам готовил в школе. В годы учебы Цзычжоу не раз там обедал. Он вошел во двор. Из комнат доносилось стройное чтение учеников. Цзычжоу заглянул в окно: мальчишки чинно сидели за столами, покачивая головами в такт тексту, а учитель с серьезным лицом медленно прохаживался между рядами.

Не желая мешать уроку, он тихо прошел в заднюю часть двора. Там стоял отдельный домик, где учитель отдыхал. В нем были кабинет, спальня и небольшая кухня. Ученики сюда почти не заглядывали, вся их жизнь кипела на переднем дворе. Е Цзюньшу догадывался, что шицюн томится именно там.

В кабинете Цинь Яолянь сидел за столом, развалившись самым неподобающим образом. Одной рукой он подпирал щеку, другой лениво вертел кисть, время от времени покусывая кончик черенка. Взгляд его был пустым — сразу видно, что мыслями он витал где-то очень далеко. На расстеленном листе бумаги красовалось лишь несколько иероглифов.

— Кхм-кхм! — Е Цзюньшу нарочито громко откашлялся.

От неожиданности Цинь Яолянь так и подскочил. Он мгновенно выпрямил спину и, вцепившись в кисть самым образцовым хватом, сделал вид, будто изо всех сил сосредоточен на письме. Цзычжоу беззвучно усмехнулся: шицун остался прежним — суший ребенок.

Яолянь уже приготовился к буре родительского гнева, но, не дождавшись окрика, осторожно поднял глаза. И увидел он не вечно суровое лицо отца, напоминающее физиономию «злого мачехи», а...

— Шицун, давно не виделись! — расплылся в улыбке Е Цзюньшу.

— Цзычжоу?! — Яолянь вскочил, сияя от восторга. — Цзычжоу, ты пришел!

Тут до него дошло, в каком виде он только что предстал перед другом. Он подлетел к нему и принялся нещадно ерошить его волосы:

— Ах ты, паршивец! Решил меня напугать? Ну я тебе устрою!

— Эй, полегче! — хохотал Е Цзюньшу, уворачиваясь. — Не порть прическу, я только всё уложил...

— Будешь знать, как дерзить старшим! Ну, признавай вину!

— Признаю, признаю! Шицун, пощади! — взмолился Цзычжоу.

После бурного приветствия они наконец перешли к делу. Цинь Яолянь похлопал Е Цзюньшу по плечу, которое теперь было почти вровень с его собственным.

— Цзычжоу, ты чем там питаешься? Почему так быстро вымахал? Скоро меня перегонишь! — Он прикинул рост: и впрямь, парень почти сравнялся с ним.

Е Цзюньшу самодовольно вздернул подбородок:

— Больше упражнений, никакой переборчивости в еде, побольше риса и наваристых супов. Костный бульон, например, отлично помогает костям расти. Глядишь, и ты еще немного прибавишь.

Мужчины развиваются поздно, а шицуню всего восемнадцать — скелет еще не окончательно сформировался, так что шансы подрасти были. Яолянь тут же намотал это на ус, решив, что вечером требует с аму побольше бульона. Чтобы Цзычжоу стал выше него? Этого он, как старший брат, допустить не мог!

— Шицун, — заговорил Е Цзюньшу, — шиму сказал, что в этом году ты собираешься сдавать экзамен на сюцая?

Лицо Яоляня тут же скисло: — Да уж... отец выдвинул ультиматум.

Ему совершенно не хотелось идти на экзамен, душа к этому не лежала.

— Отец узнал, что я пишу книги. Прямо на месте всыпал мне как следует, а потом еще три дня честил на чем свет стоит. Мало того — он конфисковал все мои рукописи! Сказал, что если я не получу в этом году степень сюцая, он всё сожжет!

Яолян был убит горем. Его детище, плоды его трудов! Мысль о том, что рукописи обратятся в пепел, причиняла ему почти физическую боль.

Оглушительный успех первой книги вскружил ему голову, он потерял бдительность, и отец в конце концов поймал его за руку. Теперь за ним следили круглосуточно.

— Отец — настоящий старый сухарь! Что плохого в том, чтобы писать книги? Это тоже путь к успеху. А толку от этого сюцая? Учеников тысячи, а я вовсе не гений, чтобы стать тем единственным из десяти тысяч, кто пройдет отбор! Отец просто...

Яолян возмущенно размахивал руками, брызгая слюной от праведного гнева. Е Цзюньшу слушал жалобы брата, но, стоя лицом к двери, уловил звук шагов в коридоре. Кто-то подошел к кабинету и замер. Он быстро дернул шицюна за рукав, призывая замолчать.

Но тот не понял намека.

Напротив, он удивленно уставился на друга:

— Цзычжоу, ты чего рожи корчишь? Что ты там шипишь? В туалет приспичило? Или запор мучает?

Лицо Е Цзюньшу окаменело.

А Яолян, ничего не замечая, продолжал:

— Так на чем я остановился? Ах да, отец совершенно не умеет подстраиваться под обстоятельства! Упрямый деспот! Думает только о своем...

Дверь с грохотом распахнулась. Раздался громовой голос Цинь Кантая:

— Ах ты, неблагодарный сын!

Е Цзюньшу незаметно отступил на пару шагов. Яолян подпрыгнул на месте. Обернувшись, он увидел почерневшее от гнева лицо отца. Сердце ушло в пятки.

Он резко подался назад и, недолго думая, вытолкнул Е Цзюньшу вперед:

— Отец, ты как раз вовремя! Цзычжоу тебя обыскался! Ну, я не буду вам мешать, пойду я, пожалуй!

Он пулей выскочил за дверь и заботливо прикрыл её за собой. Слышно было, как он со всех ног улепетывает по коридору.

Е Цзюньшу: «...»

В этот момент он всерьез подумал о том, что пора бы объявить шицюну бойкот. Ну и где его хваленая преданность? Бросил друга одного под удар учительского гнева...

— Смирный ученик приветствует учителя... Э-э... Учитель, шицюн говорит прежде, чем подумает, не принимайте это близко к сердцу. Уверен, рано или поздно он оценит ваши

старания.

Цинь Кантай гневно раздувал ноздри, но срываться на покорном Е Цзюньшу не стал. Заложив руки за спину, он сел за стол. Увидев пустой лист бумаги, он лишь сурово нахмурился и отодвинул его в сторону.

— Где твои работы?

Е Цзюньшу поспешно достал стопку исписанной бумаги и почтительно положил перед учителем. Цинь Кантай взял тяжелую пачку листов и принялся внимательно изучать написанное. Цзычжоу затаил дыхание. Результаты его полугодового труда были сейчас перед наставником. Сам он, перечитывая свои сочинения, всегда чувствовал, что в них чего-то не хватает, но не мог понять, чего именно. Он пристально следил за лицом учителя, пытаясь угадать — доволен тот или разочарован. Но лицо учителя оставалось бесстрастным.

Прошло много времени, ноги Е Цзюньшу уже начали неметь от долгого стояния, когда Цинь Кантай наконец отложил бумаги.

Он не стал сразу давать оценку, а спросил:

— Отрывок о том, что «совершенствование личности заключается в исправлении своего сердца»... помнишь его?

Е Цзюньшу почтительно склонил голову:

— «Так называемое совершенствование личности заключается в исправлении своего сердца: если человек находится во власти гнева, его сердце не может быть праведным; если он находится во власти страха, оно не может быть праведным; если он находится во власти пристрастий, оно не может быть праведным; если он находится во власти тревоги, оно не может быть праведным. Когда сердце отсутствует, человек смотрит, но не видит; слушает, но не слышит; ест, но не чувствует вкуса. В этом и заключается суть: совершенствование личности требует исправления сердца».

Цинь Кантай прикрыл глаза, храня молчание.

Е Цзюньшу продолжил:

— Смысл этих слов в том, что развитие своего характера начинается с очищения помыслов. Нельзя позволять обиде, страху или предвзятости овладевать душой. Нужно сохранять спокойствие и позволять разуму обуздывать страсти, чтобы чувства не ослепляли нас. Только так можно достичь гармонии.

— И удалось ли это тебе? — тихо спросил Цинь Кантай.

Е Цзюньшу замер. В следующее мгновение он опустился на колени, трижды коснулся лбом пола и, припав к земле, произнес:

— Учитель, молю вас о помощи. Я хочу сдать государственные экзамены!

Цинь Кантай спросил с непроницаемым лицом:

— Для чего тебе государственная служба?

Е Цзюньшу на мгновение замолчал, а затем тихо произнес:

— Смиренный ученик мог бы сказать, что преисполнен великих стремлений, что желает трудиться на благо государства и народа... Но истинная причина, по которой я хочу сдать экзамены — это защита моей семьи! Если я не могу защитить близких, то о чем ином может идти речь?

Цинь Кантай с горечью воскликнул:

— Свершающий великие дела не разменивается на мелочи! В твоём сердце нет великого долга. Выходит, став чиновником, ты будешь служить не стране, не народу, а только своему дому? Полноценный муж, запертый в границах своего клочка земли... Насколько же ты близорук! Какого проку от тебя ждать!

Е Цзюньшу снова коснулся лбом пола: — Прошу, учитель, помогите мне!

Цинь Кантай смотрел на него с негодованием, сокрушаясь, что «железо не желает превращаться в сталь».

— В этом году я хочу попробовать свои силы на уездном экзамене (юаньши).

Услышав это, Цинь Кантай окончательно разгневался. Он хлопнул по столу и прикрикнул:

— Когда это ты стал таким самонадеянным? Ты не учился больше трех лет и уже отстал от других на шаг. Твоя база слаба, мысли поверхностны, а сочинения — сущий сумбур! С кем ты собрался тягаться?

Судя по нынешним знаниям Е Цзюньшу, он мог бы рассчитывать на успех через два-три года упорного труда. Неужели он всерьез возомнил, что за три-четыре месяца сможет наверстать упущенное? Цинь Кантай смотрел на своего когда-то самого любимого ученика с глубоким разочарованием.

Е Цзюньшу упрямо настаивал: — Ученик справится.

Он во что бы то ни стало хотел рискнуть. Звание сюэца — это первый настоящий шаг на пути к власти, и он не желал упускать ни единого шанса. У учителя были свои соображения, но никто не знал Цзычжоу лучше, чем он сам. Три-четыре месяца — срок крайне сжатый, но если выложиться на полную, шанс есть. Он изучил вопрос: на уездном экзамене проверяют основы.

В современном понимании это были задания на заполнение пропусков в цитатах из Четырёхкнижия и Пятикнижия, краткие ответы, эссе и стихосложение. Это не были пустые фантазии. Если учитель согласится наставлять его и укажет на ошибки, он сможет прогрессировать семимильными шагами.

Цинь Кантай холодно произнес:

— Уходи. Такого ученика я учить не в силах.

— Учитель! — Е Цзюньшу вскинул голову, не веря своим ушам.

Цинь Кантай больше не проронил ни слова. Он встал и, не глядя на юношу, вышел из комнаты. Как только дверь распахнулась, Цинь Яолянь, всё это время подслушивавший под дверью, потерял опору и кубарем влетел в кабинет.

— Э-э... — Яолянь забегал глазами.

Отец смерил его гневным взглядом, холодно хмыкнул и, взмахнув рукавами, удалился.

Цинь Яолян втянул голову в плечи, но как только отец отошел подальше, он в три прыжка оказался рядом с другом:

— Цзычжоу, Цзычжоу, вставай скорее.

Он помог Е Цзюньшу подняться, усадил его и принялся растирать ему затекшие колени, попутно объясняя:

— Ты только не обижайся. Мой отец — старый сухарь, это всем известно. Он так суров, потому что слишком многого от тебя ждет. Пройдет пара дней, и он остынет.

Цзычжоу всегда был таким способным, сам отец постоянно ставил его в пример! И теперь, когда Цзычжоу наконец решил делать карьеру, отец воротит нос. Яолян искренне не понимал, что творится в голове родителя.

Лицо Е Цзюньшу было бледным. Он вымученно улыбнулся:

— Всё в порядке. Я сам виноват, что разочаровал учителя.

— Да ничего подобного! Отец всегда тебя ценил, я порой даже ревновал! Цзычжоу, не вешай нос, у тебя есть я! Оставь свои работы здесь, отец всё равно не удержится и проверит их. А я потом тебе передам!

Очевидно, Яолян слышал каждое слово за дверью. Он был полностью на стороне друга.

В чем Цзычжоу не прав? Раз решил сдавать, почему бы не поддержать его в этом году? К чему этот гнев? Ведь отец сам столько лет мечтал, чтобы Цзычжоу вернулся к учебе...

«Сплошные капризы», — подумал шицун.

Цинь Яолян не понимал мотивов отца, но Е Цзюньшу всё осознал. Учитель разочаровался... Мысли Цзычжоу действительно изменились.

Он слишком страстно жаждал власти и статуса, его помыслы стали суетными. А для ученого это — самое опасное. Стоит поддаться жажде скорой наживы и успеха, как теряется чистота сердца, и тогда вряд ли удастся продвинуться в науках или духе. Учитель увидел это в его работах.

Цзычжоу закрыл глаза, сделал глубокий вдох и улыбнулся Яоляну:

— Шицун, не беспокойся. Я знаю, что делаю.

Яолян, видя, что друг пришел в себя, осторожно уточнил:

— Точно всё нормально?

Е Цзюньшу кивнул: — У меня ведь есть ты. Ты же поможешь мне, шицун?

— Конечно! — Яолян ударил себя в грудь. — Обязательно помогу!

— Вот и славно, на тебя и полагаюсь, — Е Цзюньшу похлопал его по плечу.

— Не сомневайся!

— Ладно, мне пора. Передай шиму, что я не смогу остаться на обед.

— Ну как же так! — начал было протестовать Яолянь, но Цзычжоу перебил его:

— Учитель сейчас в гневе. Увидит меня — рассердится еще больше. А я хочу, чтобы он поскорее сменил гнев на милость.

Яолянь счел этот довод разумным и не стал больше задерживать друга. Он прибрал рукописи Цзычжоу, и они вместе вышли во двор. Там несколько учеников примерно их возраста оживленно что-то обсуждали. Е Цзюньшу мельком взглянул на них — похоже, в классе туншэнов была перемена.

В частной школе было два потока: для начинающих и для тех, кто уже получил звание туншэна и готовился на сюэца. Последние были в основном чуть старше Е Цзюньшу.

В годы учебы Цзычжоу близко дружил только с Яолянем, с остальными был знаком шапочно, а за прошедшие годы они и вовсе перестали узнавать друг друга. Он не стал подходить к ним и направился прямо к воротам.

— ...Разбойники на тракте у Линьцзяна совсем распоясались, проклятые! Почему правительство до сих пор не выслало войска, чтобы их перебить?

— И не говори, сколько людей уже погибло. Теперь кто рискнет там ехать?

— Вот-вот. Мой дядя сейчас торгует на юге, так ему приходится нанимать целую ораву охранников, иначе никак. Раньше возили товар спокойно, а теперь боятся.

Е Цзюньшу уловил несколько ключевых слов и резко остановился. Тракт у Линьцзяна? Разбойники? Торговля? Смерти?

Цинь Яолянь, заметив, что идет один, обернулся и увидел, что друг замер, вслушиваясь в разговор учеников. Он вернулся к нему:

— Цзычжоу, что случилось?

— А, ничего, — опомнился тот и продолжил путь к выходу. — Мне показалось, я услышал, что на Линьцзянском тракте снова бесчинствуют бандиты?

— А как же, — Яолянь, очевидно, тоже был в курсе новостей. — В начале года был случай: говорят, у кого-то из каравана были личные счета с кем-то из той банды. В итоге не только деньги забрали, но и людей перерезали, спаслись лишь единицы. Самое печальное — когда об этом доложили, власти просто соблюли формальность. Солдаты проехали там для вида, сказали, что никого не нашли, и дело замяли.

Цинь Яолянь покачал головой и вздохнул. Именно поэтому он и не стремился к карьере: чиновники и разбойники — два сапога пара. Ему совсем не хотелось лезть в этот «чан с краской», лучше уж тихо сидеть в маленьком уезде и писать свои книги.

Е Цзюньшу невольно нахмурился: — А ты знаешь кого-нибудь из того каравана?

— Нет, не знаю, — Яолянь удивленно посмотрел на друга. — Почему ты так этим интересуешься?

Цзычжоу не стал скрывать: — У меня есть друг детства, несколько лет назад он уехал торговать с караваном. Услышал такие новости и разволновался. Брат Хао уехал давно, вестей от него нет, вот я и переживаю, не случилось ли чего.

Яолянь подумал и сказал: — Думаю, тебе не о чем беспокоиться. Я слышал, что тот караван был с юга, так что вряд ли твой друг имел к нему отношение.

Услышав это, Е Цзюньшу немного успокоился. Поразмыслив, он спросил снова:

— Шицун, а что ты знаешь о тех бандитах с Линьцзянского тракта?

Яолянь вскинул брови: — Ну, тут ты обратился по адресу! Я наслушался кучу сплетен. Говорят...

Е Цзюньшу покинул школу ближе к полудню. Немного подумав, он зашел пообедать в ресторан — заодно проверить, не пострадали ли знакомый хозяин и дядя Пан. К счастью, с ними всё было в порядке, вот только дела в заведении шли из рук вон плохо.

Цзычжоу не стал задерживаться: он планировал купить мяса и поскорее вернуться домой. За столько лет он изучил уезд вдоль и поперек, прекрасно зная все лазейки и закоулки, чтобы быстрее добраться до рынка и при этом не столкнуться с кем-нибудь из семьи Мин.

Однако, придя на рынок, Е Цзюньшу не обнаружил привычного прилавка. Он даже на секунду подумал, что ошибся местом. Оглядевшись, он увидел, что соседняя мясная лавка на месте, и несколько знакомых торговцев, с которыми он раньше любил поболтать, тоже были здесь. А остальных — как ветром сдуло.

Сгорая от любопытства, он подошел к оставшемуся мясному прилавку:

— Дядюшка.

— Желаете чего-нибудь, уважаемый? Мясо свежайшее. Вам грудинку, вырезку или что другое?

— Дайте пять цзиней грудинки и пять цзиней вырезки. И кости трубчатые тоже заберу.

— Будет сделано!

Е Цзюньшу окинул взглядом пустые места и как бы невзначай спросил:

— Дядюшка, а почему дядя Лэй со своим прилавком больше не выходит торговать?

Тесак мясника на мгновение замер. Мужчина, не поднимая головы, промолчал.

Цзычжоу продолжил:

— Дядюшка, неужели вы меня не помните? Я Цзычжоу, тот парень, что до Нового года часто приходил к вам поболтать!

Торговец удивленно поднял глаза, внимательно присмотрелся к юноше и наконец узнал его:

— И впрямь, Цзычжоу!

Е Цзюньшу с улыбкой кивнул. Отношение мясника сразу стало теплее. Он простодушно рассмеялся:

— Ты так изменился, я тебя сразу и не признал, ха-ха...

— Я давно не заглядывал, неудивительно, — Е Цзюньшу снова вернулся к вопросу: — Так где дядя Лэй? Давно его не видел, соскучился.

Мясник знал, что этот паренек был в хороших отношениях со стариком Лэем, поэтому скрывать ничего не стал.

Он опасливо огляделся по сторонам и, лишь убедившись, что лишних ушей нет, прошептал:

— Старый Лэй сейчас, должно быть, дома. Иди прямо по этой улице до самого конца, там поверни налево в переулок, спросишь любого — подскажут. Ты... эх, попытайся его утешить. Мертвых не воротись, пусть держится.

Сердце Е Цзюньшу екнуло, в душе поднялось недоброе предчувствие:

— Кто умер?

Мясник лишь покачал головой и больше не проронил ни слова. Дядя Лэй больше не женился, они жили вдвоем с Пань-гэром, души друг в друге не чая... Чем больше Е Цзюньшу думал, тем сильнее становилась тревога. Он резко развернулся и бросился бежать в ту сторону, куда указал торговец.

Мясник оторопел и крикнул вслед:

— А мясо-то! Забирать будешь?!

Е Цзюньшу было не до мяса. В голове пульсировала одна единственная мысль: «Только бы не с Пань-гэром беда случилась!»

<http://bllate.org/book/15226/1356169>